

ПИТЕР БРАУН И ЕГО КОНЦЕПЦИЯ ТЕЛА, ПОЛА И СЕКСА В ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ («Тело и общество: мужчины, женщины и сексуальное воздержание в раннем христианстве»)

Д.Г. ЗЮПОВА

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: ehyurova-diana@yandex.ru

В работе рассматривается концепция главного исследователя Поздней античности, британского историка Питера Брауна в области тела, пола и секса, изложенная в его книге «Тело и общество:...». Подробно рассматриваются взгляды Брауна на указанные проблемы в раннем христианстве, раскрывается природа христианского аскетизма и предпосылки ментального переворота позднеантичной эпохи, приведшего к радикальной смене античной оргиастики на целомудрие и аскетизму в отношениях между полами.

Ключевые слова: Поздняя античность, христианство, пол, гендер, секс, тело, аскетизм.

Питер Роберт Ламонт Браун (р. 1935 г.), профессор классической истории, в течение многих лет преподавал в Университете Калифорнии, Беркли, впоследствии – профессор истории института Филипа и Беулы Роллинс в Принстонском университете, является наиболее видным ученым в изучении Поздней античности. Он является автором десятка книг, в том числе: «Августин Блаженный: биография», «Мир поздней античности», «Культ святых: его рост и функции в Латинском христианстве», «Священство и общество: аспекты христианизации римского мира», «Становление западного христианства» и др. Брауну принадлежит основной вклад в пересмотр традиционных представлений о Поздней античности как об эпохе упадка и рождение идеи континуитета между античностью и Средневековьем, в контексте которого позднеантичная эпоха предстает как единый и динамичный исторический комплекс – Постклассический мир¹.

Одним из наиболее важных аспектов концепции Постклассического мира является концепция гендера в Поздней античности. Впервые опубликованная в 1988 г. книга «Тело и общество: мужчины, женщины и сексуальное воздержание в раннем христианстве» Питера Брауна была новаторской в изучении пола и сексуальных отношений ранних христиан в древнем Средиземноморье и Ближнем Востоке позднеантичной эпохи. Рассмотрев истоки христианского аскетизма, историк далее показывает, как эта идея вступила в жесткий конфликт с традициями античной оргиастики и сексуальной свободы в Поздней античности.

Браун фокусирует внимание на практике постоянного сексуального воздержания, безбрачия и девственности на протяжении всей жизни человека в христианских общинах от I до V в. Главной задачей автора было создание представлений о человеке и обществе, разделявших сексуальное воздержание, подробное исследование отражения этих взглядов среди христианских писателей, как они, в соответствии с концепцией отказа от секса, раскрывали природу сексуальности человека, отношения мужчины и женщины и роль секса в обществе.

Книга «Тело и общество» непосредственно раскрывает взгляды отцов церкви на сексуальность и человеческое тело, взаимоотношения между мужчинами и женщинами. Книга написана в виде интеллектуального путешествия по основным бого-

¹ Ващева И.Ю. Концепция поздней античности в современной исторической науке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 6(1). С. 220-231; Болгов Н.Н., Литовченко Е.В. Поздняя античность: специфика эпохи и новые подходы к изучению // Гуманитарная наука в современной России: состояние, проблемы, перспективы развития. Т. 1. Белгород, 2007. С. 47-55.

словско-социальным местам раннего христианства. Главы книги можно рассматривать как изолированные, самостоятельные части, ограниченные хронологическими рамками, так и как определенные сюжеты, взаимосвязанные друг с другом, рисующие единую картину сексуального воздержания в Поздней античности.

Произведение, написанное в конце 80-х гг. XX в., автор дополняет во введении к новым изданиям современными научными исследованиями и последующими личными открытиями. Автор задается вопросом о том, почему ранние христиане так много писали и уделяли внимания сексу, вопреки тому, что официально мировоззрение христианской религии было направлено на духовную и загробную жизнь.

Браун убежден, что человеческое тело находится в тесной взаимосвязи с обществом и космосом, что эта связь, по сути, представляет собой навязчивую идею, одержимость людей проблемами тела в Поздней античности. Автор подчеркивает, что восприятие тела в Поздней античности радикально отличается от взглядов современного общества на него как на вместилище множества физических потребностей: удовлетворение сексуальных потребностей, потребности в пище и т.п.

Первая часть книги – «От св. Павла до св. Антония» – посвящена рассмотрению отношения к сексу, телу и браку в ранней христианской среде римского мира. Исследование этой проблемы начинается со I-II вв. н.э. в языческом мире, где рождавшееся христианство стало свидетелем постепенно наступавшей определенной сдержанности и терпимости в общественных взглядах. Вторая глава посвящена Палестине времен Иисуса, св. Павла и роли воздержания в неясном и бурном первом столетии христианского движения. Приблизительно к 150 г. отказ от секса уже установился как правило, и стал значимым для многих людей, исповедующих христианство. Эта проблематика подробнее раскрыта в главах 3–6, где изображается картина сексуального воздержания на территориях Средиземноморья, Ближнего Востока, в общинах Лиона, Карфагена и Эдессы.

Как отмечает П. Браун, еще во II в. Гален, римский врач и естествоиспытатель, классик античной медицины, считал, что, мужчины обладают «решающим избытком» энергии и «жизненным духом», который находится в их теле, поэтому они реализовывают свой биологический потенциал сполна, в то время как женщины не обладают таким потенциалом. Последствия таких различий между мужчиной и женщиной сказались позже, когда было закреплено привилегированное положение мужчины над женщиной. Отсутствие «жизненного духа» впоследствии было расценено как недостаток женщины перед мужчиной, закрепившийся в Поздней античности как страх «порчи мужчин» – в «женоподобном» поведении. В то же время, возникла необходимость урегулирования жизни женщины в соответствии с мужскими представлениями.

Древние мыслители разделяли любовь на дурную – удовлетворение сексуального желания (физическую) и хорошую – любовь к Богу (духовную), что проявлялось в целомудрии, которое апостол Павел и различные последователи апостолов, такие как Иустин Мученик, старались взрастить.

Радикальные еретические группы, такие как маркиониты, сирийские энкратиты, а также Татиан, считали, что необходимо установить полный контроль над телом и его удовольствиями через полный сексуальный отказ, и, тем самым, положить конец всей половой жизни, независимо от ее законности в браке или нет. Такие взгляды, по мнению П. Брауна, обозначили новый рубеж в отношении общества к сексу.

На основе анализа множества первоисточников Браун демонстрирует заметную роль женщин в Поздней античности в деле продвижения идеи сексуального отказа в качестве средства постижения Бога. Браун доказывает, что женщины были в значительной степени вовлечены в разные группы христианских движений, членство в которых принимали также и высшие слои аристократии.

К этому периоду относится появление культа святых, как феномена, который получил распространение первоначально среди женщин, а позднее и мужчин; в это

время начинается освящение деяний апостолов, вера в которых была непоколебима, и которая кристаллизуется в христианстве еще во времена гонений.

Во втором разделе книги «Аскетизм и общество в Восточной империи» автор раскрывает традиции духовного руководства, связанного с пустынными отцами, которые приехали в Египет и в другие места, чтобы просвещать новые земли и утверждать аскетическую практику. Эта часть посвящена времени от Константина до конца V в. на Востоке. В главе «Дочери Иерусалима: аскетический образ жизни женщин в IV в.» Браун приводит обилие примеров женщин, вступивших на путь сексуального отречения – это девственница Макрина, сестра Григория Нисского, Мелания Старшая и Олимпиада в Константинополе, которые предпочли остаться вдовами после брака с язычниками.

Третья часть книги «От Амвросия до Августина» делает упор на практику аскетизма на Западе Римской империи, где автор сосредоточивает свое внимание на латинской святоотеческой традиции, с акцентом на знаковые фигуры Амвросия, Иеронима и Августина Блаженного.

Свое повествование автор начинает с предшественника Августина – Амвросия Медиоланского. Амвросий не только стремился защитить непорочное зачатие, но и отстаивал пожизненную девственность в противоположность другим христианам. Браун подчеркивает, что Иероним, который более известен как переводчик Библии в своей первой версии латинской Вульгаты, играет не менее важную роль в зарождении нового отношения к человеческой сексуальности. По мнению Брауна, Иероним внес большой вклад в интерпретацию понятия сексуальности и разграничил апостольские понятия «плоть» и «дух». Автор акцентирует внимание на том, что в этот период происходит необратимый поворот к отрицанию сексуальности человека. Это время Браун выделяет как переходный период развития христианства и характеризует его глубокими переменами сексуальной психологии.

Именно в ранней церкви были заложены основы сексуального отказа. На протяжении всего периода Раннего христианства предпринимались попытки сформировать концепцию сексуального воздержания. Одним из таких примеров является сочинение «Против Иовиниана» Иеронима. Но реакция христианского клира на это была неоднозначна. Многие христиане были сбиты с толку и возмущены столь радикальными предложениями Иеронима, одного из наиболее красноречивых проповедников христианства. Существовали и примеры горечи и разочарования членов аскетического движения. Бывшие монахи из города Верцеллы отказались принять монаха в качестве епископа города и, тем самым, бросили вызов Амвросию, который выдвинул его кандидатуру. Мы встречаем Тибериана, епископа в южной Испании, в коротком и сдержанном упоминании Иеронима. Какое-то время Тибериан был в движении присциллиан. Он даже перенес изгнание. Позже он потерял веру в своих радикальных друзей, воздержание плоти больше не было лозунгом его жизни: «поскольку пес возвращается к своей блевотине», он женился на девственнице, посвященной Христу².

Мы мало знаем о прочных следах античной оргиастики у христиан Поздней античности, но их должно было быть весьма много. Когда Иероним служил секретарем Папы Дамаса в Риме, в 384 г., он засвидетельствовал странные похороны. Муж, уже имевший 20 жен, хоронил жену, которая имела 22-х мужей. Муж возглавлял процессию вокруг ее катафалка, «коронованный и несущий пальму победы, в кругу всех горожан, поющих античный гимн»³.

Столетие спустя, в 495 г., празднества луперкалий – архаичного, языческого обряда, связанного с изобилием и с хорошим поведением городских женщин – были

² Hieron. De viris illustribus 123 // P.L. 23. 711.

³ Hieron. Epist. 123.10 // P.L. 22. 1052-1053.

теперь оживлены частушками о супружеских изменах римского духовенства⁴. В это же время многие римляне были убеждены, что Папа Римский держал у себя женщину-хозяйку, известную в городе как Кондитария – «Сахар и Специя»⁵.

С V в. лидеры христианской церкви начинают развитие новых взглядов. В это время повторно подвергается сильному изменению древнее обозначение понятия «человек», оно было переосмыслено с разных сторон. Христианские понятия сексуальности имели тенденцию отдаляться от личности человека, важна была свобода от мира физиологических потребностей. Вид гениталий, пламенный дух, развязанный в половом акте, больше не рассматривались, как в античном мире, с почтением. Сексуальность не являлась космической энергией, которая связывала людей и с плодородными стадами, и со сверкающими звездами. Ничто более не было более греховно и отрицательно для епископов Западной Римской империи, чем те случаи, в которых человек уподоблялся животному, то есть секс⁶.

Древние римляне знали, что свободный человек, невзирая на строгую гражданскую иерархию, отделявшую его от женщины, в сексе был свободен от иерархии: мог забавляться оральным сексом с ней, или предлагать себя, как женщина, для проникновения своему возлюбленному.

Помимо прочего христианство привнесло много древнееврейских взглядов об особенной сущности человека. Древнееврейский взгляд был склонен не обращать внимания на физические потребности тела, тем самым, оставляя беспокоящие напоминания о духовном родстве человека с животными. Сексуальное возбуждение и прочная, разносторонняя сила сексуальной фантазии привлекали внимание христианских аскетических мыслителей. В своей частной жизни они практиковали постоянный отказ от секса. В обществе их пример имел большой резонанс, что давало много поводов для сарказма от недоброжелателей, но также и распространяло славу об их чудесных деяниях. Иоанн Кассиан ассоциировал непорочность с даром «чистого сердца» и сам демонстрировал в своем теле убывание сексуального желания. Но этот дар был получен через борьбу с сердцем непосредственно в медленном и сложном отказе от плотских желаний. Августин не соглашался с Иоанном Кассианом, он считал, что самые скромные детали опыта сексуальности для тела — эрекция, импотенция, оргазм, и бессознательный позор — отражали духовную несостоятельность желания, более решительного и безвозвратного⁷.

Запреты, взятые из книги Левит, были поддержаны большинством христиан восточного Средиземноморья. Епископ III в. Дионисий Александрийский, ученик Оригена, писал, что нет нужды говорить женщинам в период менструации, чтобы они держались подальше от евхаристии, так как хорошим христианкам не нужны были напоминания о столь очевидном запрете⁸. Временное закрытие доступа к алтарю из-за менструации среди женщин и эякуляции среди мужчин, подчеркивало особое положение людей. Становилось очевидным, что человеческая жизнь находится между природой и обществом. Христиане защищали человеческое сакральное пространство от бесформенного, простого, биологического, от продуктов тела, которые периодически напоминали верующим об их нерасторжимой связи с миром природы.

Человеческое тело больше не было определено как место или звено в большой цепи жизни. Не поощрялось разделять удовольствия, присущие миру животных, которым можно было бы потакать откровенно. В западно-христианской традиции человеческая плоть является в качестве проявления слабой воли. Ее уязвимость для ис-

⁴ Geiasius. Ad Andromachum 2 // Pomarés, G. (ed.). Géglise 1er: Lettre contre les de Lupercales. P., 1959. P. 162.

⁵ Chadwick H. Boethius. Oxf., 1981. P. 32.

⁶ Brown P. The Body and Society: Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity. P. 432.

⁷ Ibid. P. 433.

⁸ Dionysius Alexandrin. Canonic. Epist. 2 // Patrologia Graeca. 10. 1281 A.

кушения, смерти, удовлетворения была крайне уместна для конкретизации безволежности и слабости воли Адама⁹.

К середине V столетия повсюду по христианскому Востоку устоялись отношения между мужчинами и женщинами, которые не имели земли и супругов, в больших закрытых мужских и женских монастырях, которые были встроены в песчаное плато Египта, на вершинах гор, затаившись в укромных уголках или между городами, в гротах, вырезанных в утесах или в горных образованиях. Монахи и монахини разъяснили, что, по крайней мере, для некоторых христиан, царство небесное уже наступило: они живут в мире без брака и без частной собственности. При поездке от Иерусалима до Иерихона, в эпоху императора Юстиниана, два молодых сирийских мальчика из хорошей семьи заметили монастыри, взгроможденные на утесах выше реки Иордан: «Кто эти мужчины, которые живут в зданиях там?» – один спросил своего друга. «Да ведь разве ты не знаешь? Они – ангелы Божии»¹⁰.

Количество пустынников, возможно, не было столь большим, как мы склонны думать, но в Афродито в VI столетии было 79 священников, 18 дьяконов, монахов и монахинь, и один столпник отшельник. В городе с плотностью населения меньше чем 2000 налогоплательщиков, это показывает раннее византийское общество с заметным духовным и аскетическим присутствием. Все же город, возможно, больше не защищал не состоящих в браке мужчин, как было в египетской деревне II столетия, где приблизительно у 10% мужчин не было никаких жен¹¹. Главное, что не состоящие в браке мужчины и женщины были теперь причислены к привилегированному классу: как монахи и монахини они не могли бы произвести детей для своего города, но и не могли претендовать на владение землей¹². Они несли в своих непреходящих личностях последний старинный миф о пустыне. Этот миф изменил отношение к телу, оно было лишено прежнего древнего уважения.

Молитвы, вознесенные монахами и посвященными девственницами, связывали небеса с землей в неощутимой цепи заступничества. Человеческая молитва, предлагаемая всем миром одному Богу, заменяла естественную космическую иерархию, которая, как думали, связывала землю через невидимый дух с Богом, который жил среди звезд. Египетские христиане теперь полагали, что высушенные, бесплодные организации монахов и девственниц заставили долину зацвести каждый год¹³. Когда Симеон Столпник постился в Великий пост, горшок чечевицы – его единственная еда в течение сорока дней, которую давали ему, была не съедена; тогда горожане сочли его сытым, и оставили его, но были удивлены и изумлены. Тогда возникли старцы и дьяконы, дававшие часть еды всем людям, с трех часов до девяти они раздавали ее, но еда была не исчерпана. Тогда они отправились к городским вдовам и насыпали им полные подолы¹⁴.

Даже в самых традиционных областях Средиземноморья город начал терять свою древнюю форму. Классическое понятие гражданского сообщества ослабло, это укрепляло христианских жителей городов. Христианские отношения к сексуальности нанесли смертельный удар древнему понятию города как тела. Проповедники надеялись тело свойственными для христианина качествами. Это больше не было нейтральное, неопределенное отражение мира природы, секс больше не рассматривался как право на существование, сексуальные отношения больше не подвергались граж-

⁹ *Moralia* 8.6.8 // P.L. 75. 805 CD.

¹⁰ *Leontius Neapol. Vita Symeon. Sanct. Paup.* 1 // Festugière A.J.; Ryden L. (eds.). *Léonce de Neapolis: Vie de Symeon le Fou.* P., 1974. P. 58, 109.

¹¹ MacCoull Leslie S.B. *Notes on the Social Structure of late antique Aphrodito* // *Bulletin de la société d'archéologie copte.* 1984. № 26. P. 65-77; Hopkins K. *Brother-Sister Marriage in Roman Egypt* // *Comparative Studies of in Society and History.* 1980. № 22. P. 333.

¹² Patlagean E. *Pauvreté.* P. 338-340.

¹³ *Serapion Thmuis. Epist. Monach.* 3 // P.G. 40. 929 A.

¹⁴ *Vita Symeon. Stylit.* // Lent F. (trans.). *Journal of the American Oriental Society.* 1915. № 35. P. 132.

данскому рассмотрению как статус и польза. Бог создал человеческое тело, и Адам привнес в него двойной позор смерти и вожделения¹⁵.

Новое отношение к наготы показало медленное изменение в коллективном мышлении в позднеантичном мире. Последние римские кодексы об одежде высшего сословия сделали социальное положение своих владельцев более явным, чем когда-либо прежде. Таким образом, они вкладывали в своеобразный футляр тело человека. Больше не демонстрировали тугую мускулатуру тела, признаки атлета и потенциального воина, все это больше не относилось к знаку высшего статуса сословия. Император больше не показывал свою бесспорную власть, позируя в обнаженном виде, таким образом выражая героическую непобедимость и то, что сблизало его с бессмертными богами¹⁶. Блеск императорских одежд был смертной человеческой плотью, хрупким материалом, раздираемым теми же самыми страстями и желаниями и подвергающимся тому же самому сексуальному позору, также как и плоть нищего¹⁷.

Тело молодых мужчин больше не обладало периодом откровенно двуполой свободной игры прежде, чем город заставлял молодого человека жениться и стать гражданином. Духовные наставники теперь спрашивали молодого человека, потерял ли он свою девственность. Этот вопрос касался только женщин и возник для них тремя столетиями ранее. Мужчины теперь получили законы для тела, которые непосредственно ограничили их любовные ласки. Тело стало «священным храмом», предназначенным для Бога, к которому прикоснуться можно было только противоположному полу, и только чтобы произвести детей. В IV в. еще прослеживается по поступкам людей двойственное отношение к христианским ценностям, так один из императоров, верный своим привычкам, был изображен в виде статуи с гладкими щеками и тяжелыми волосами, напоминающими имперскую даму¹⁸.

Теперь продукты половых актов не лежали больше в нейтральной зоне, для будущей семьи было заранее определено отрицательное отношение к контрацепции, абортам. К VI столетию отца лишили древнего римского права, которое относилось еще к языческому времени, решать, принимает ли он новорожденного ребенка¹⁹. Тертуллиан лаконично выразил отношение христианства к этой традиции: «Что должно быть человеком, то является человеком»²⁰. Молодожены в античное время не задумывались об этом, зная о контрацепции и абортах²¹.

Изменения города затрагивали самые интимные аспекты жизни в браке. Делался акцент на роль Бога в формировании ребенка с момента зачатия его в матке; сам половой акт должен был избежать рационального контроля. Больше не был важен гражданский этикет, любезность и внимательность в общении, родители не играли роли в формировании характера своего ребенка. Правила евгеники пола провоцировали только гнев Бога. Те, у кого были сношения «как у крестьян», спя вместе по воскресеньям и в другие дни воздержания, породят лишь прокаженных и эпилептиков²².

Наблюдая мир из-за стен христианского домашнего хозяйства, мы видим только бедные человеческие тела в некоей деградации. Нищие были востребованы епископами и духовенством в каждом городе. Они говорили за все человечество — униженное потомство Адама, приближавшееся к Богу по своим страданиям, связан-

¹⁵ Brown P. *The Body and Society: Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity*. P. 437-438.

¹⁶ Marrou H.I. *Decadence romaine ou untuquite tardive?* P., 1977. P. 15-20.

¹⁷ Hieron. *Epist.* 77.6 // P.L. 22. 694.

¹⁸ Blanck H. *Wiederverwendung alter Statuen ats Ehrendenkmatier bei Griechen und Romern*. Rome, 1969. S. 45, pl. 14-15.

¹⁹ *Codex Justinianus* 8.46.10.

²⁰ Tertullian. *Apologeticum* 9.8.

²¹ Noonan J.T. *Contraception*. Cambridge, 1965. P. 47-146.

²² Caesarius Arelat. *Sermon.* 44.7 // Morin, G. (ed.). *Corpus Christiunorum*. S. Latin. 103. Turnhout, 1953. P. 199.

ное общим позором сексуального вожделения и предназначенное для смерти. В четверг перед Страстной пятницей и во время других праздников бедные шествовали к общественным баням, новый слой граждан требовал общественной благосклонности. В банях они получали ритуальное мытье и массаж²³. Во время шествия они пели псалмы Богу, который, как они думали, был ближе к человечеству, когда его тело было обессилено и не исполняло своих физических функций. Это абсолютно противоречило взглядам в классическом городе. Парадоксально, но физическое тело стало объектом «одержимого сострадания»²⁴, постоянно испытывая жестокие наказания. В уголовных кодексах в Византии было разрешено использование физического наказания, но христиане рассматривали человеческое тело как «символ» сосредоточения божьей кары²⁵.

В конце V – VI столетиях, в то время как глубокие изменения претерпевали политическая и экономическая структуры городов Средиземноморья, одновременно в городе устанавливались христианские понятия. Они сформировали новый смысл общества и человека и его внутреннего мира, закрепили изменения, происходившие еще со времен Марка Аврелия. Это явление пояснил Жак Ле Гофф как «la deroute du corps» – категорический «уход от тела»; таким образом, это обозначило конец древнего мира и начало Средневековья²⁶. Для многих воздержание означало конец тирании «существующего времени». По словам Иоанна Златоуста, возможность пожизненной девственности говорит, что «идея о воскрешении совсем близка»²⁷.

У пустынных отцов дар истинного целомудрия сердца открылся постепенно в осознании волевого отказа от природных излишеств. Со времен Валентина и Оригена до Иеронима и Евагрия Понтийского, возникают предположения, что отношения между полами могут быть исключительно духовные. Но для Августина непреходящее сексуальное желание говорило об отсрочке его надежды на всеобщее Царствие небесное.

Суть моральных страданий христианского аскетизма состояла в факте, что нынешний человек был незаконченной моделью, предназначенной для преобразования в форму удивительного качества. Тело потребовало глубоких изменений и постоянного отказа от себя, если оно хотело обладать возвышенными чертами Христа. В мозаиках, датированных 400 г., римские христиане изображаются еще с классическим изяществом в соответствии с античными пропорциями, там переносятся тела Христа и святых в рай. Тела легче воздуха. Унылое бремя смерти покинуло их, а вместе с ним и физический вес. Они стоят на зеленой траве рая, теперь легко и свободно, и бросают взгляд в глубокой и ясной мечте на своих товарищей²⁸.

В общественном мире городов резкое отсутствие сексуальности в элитах церкви играло важную роль в коллективном образе христианского общества. Это вызвало на передний план целый ряд образов власти и возможностей единения среди западных и восточных христиан римского мира.

В раннехристианской церкви зарождался культ Девы Марии и девственных святых, что говорило об острой потребности в сопричастности к неиспорченным и прекрасным людям. Позднеантичные христиане акцентировали тот факт, что плоть Христа от его девственной матери имела связь естественную и непрерывную с человеческой. Христос был человеческой плотью, преображенной в строгом замысле. Обременительные недостатки, трудно исправляемые в обычных мужчинах и женщинах,

²³ Marrou H.I. *L'origine orientale des diaconies romaines* // *Patristique et Humanism*. P., 1976. P. 97-100.

²⁴ Patlagean E. *Pauvreté*. P. 430; Averincev S. *Notion de l'homme et tradition littéraire à Byzance* // *Studia medievali*. 1977. Ser. 3, 18. P. 25.

²⁵ Аверинцев С.С. *Поэтика ранневизантийской литературы*. М., 1984. С. 60-76; Patlagean E. *Byzance et le blason penal du corps* // *Du Chatiment dans la Cite*. Rome, 1984. P. 421.

²⁶ Le Goff J. *L'imaginaire medieval*. P., 1985. P. 123.

²⁷ Iohan Chrysostom. *De Virgin*. 73.1.6 // *Sources chrétiennes*. 125. P. 35.

²⁸ Gregor. *Nazianz. Orat*. 7.21 // P.G.35. 784 B.

уже отсутствовали в плоти Христа в связи с непорочным зачатием Девы Марии²⁹. Как указал Руфин из Аквилеи, рождение Христа от Марии не было никакой аномалией, также Афина родилась от головы Зевса, прорвав ее уже в готовом облике. В зачатии, рождении и учении Христа каждый человеческий физиологический процесс уважался, за исключением пылкого акта мужского произведения потомства и кровотечения матки во время менструации³⁰. В Поздней античности восприятие удивительного качества непорочного зачатия являлось тем более притягательным, потому что две сильных и обязательных связи нормального человеческого жизненного процесса были вычеркнуты из жизни организма. Жизнь Марии говорила об устойчивости человеческого тела, из которого был вычеркнут беспорядок, внесенный моральным падением Адама³¹. Девственницы церкви берегли свои тела как Мария – не портили их рождением детей, это было тело, «у которого есть знаки пола без его страшного дефекта»³².

Тело Марии было все же более совершенным, чем у других женщин. Ее тело родило ребенка, она кормила грудью как мать; и все же она не перенесла внутренних и внешних искажений. Мария получила слово Божье, она осталась чистой как настоящее золото³³. Подавление ассоциаций о нормальных половых сношениях и рождаемости заставили обратить внимание христиан на отношения, связанные с непорочным зачатием и общими понятиями жизни – воспитанием, сексуальными отношениями, целостности плоти и крови.

Роман Сладкопевец знал, что его собственная плоть была «плотью, извращенной природой». Он говорил, что его тело было столь же слабым, столь же неуловимым, сколько же безудержным, как те причудливые мысли, которые мелькали в его блуждающем уме. Пристально глядя на Тело Христа, он видел в нем все, в чем он испытывал недостаток. И все же он считал его тело плотью сородича, только появившегося из человеческой плоти девственницы³⁴. На символических изображениях VI в. Христос часто держал девственницу на коленях, показывая неразрывно связь с ее человеческой маткой³⁵. Это была связь с плотью, спасенной от всех извращений межличностных отношений. Именно такие взаимоотношения между людьми стали наиболее гармоничными, потому что соединяли в уме отрицательное отношение к половому акту. В гимнах и проповедях этого времени чувствуется большая надежда на скорое прибытие к падшему человеку Бога. Эти явления обозначили новый период в развитии Постклассического мира, Византии³⁶.

Таким образом, книга Питера Брауна совершила своеобразную революцию в понимании гендера в Поздней античности. Смена античного образа жизни христианским, античной сексуальности христианским аскетизмом произошла не в одночасье, а была длительным и сложным процессом, растянувшимся на несколько столетий. За менее чем четверть века, прошедшие после выхода эпохального труда П. Брауна, в мировой науке возникло целое направление исторических исследований гендера в христианском обществе, гендера в Византии. К сожалению, отечественная наука на постсоветском пространстве остается еще почти девственно чистой в разработке данных проблем³⁷.

²⁹ Brown P. *The Body and Society: Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity*. P. 444.

³⁰ Rufinus. *Expositio Symboli* 9 // *Corpus Christianorum* 20. P. 146-147.

³¹ Hieron. *Ad amicum aegrotum* 6 // P.L. 23. 83 B.

³² Leander Sevil. *De institutione virginum* // P.L. 72. 880 A.

³³ Maximus Turin. *Sermon*. 97.3 // *Corpus Christianorum* 23. P. 387-388.

³⁴ Roman. *Melod. Hymn*. 20.8.6; 22.8.6 // Grosdidier de Matons J.= Romanos le Melode. *Hymnes* // *Sources chrétiennes* 110, 144. P. 357, 378.

³⁵ Kitzinger E. *Byzantine Art in the Making*. Cambridge, 1977. P. 117-118, fig. 210; также см. коптские ткани с изображением Девы Марии из Кливлендского Музея Искусств: Shepherd D.G. *An Icon of the Virgin: A Sixth Century Tapestry Panel from Egypt* // *Bulletin of the Cleveland Museum of Art*. 1969. № 59. P. 90-120.

³⁶ Brown P. *The Body and Society: Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity*. P. 446.

³⁷ Болгов Н.Н., Смирницких Т.В., Сбитнева Ю.Н. *Частная жизнь женщины в Ранней Византии*. Белгород, 2009.

PETER BROWN AND HIS CONCEPTION OF BODY, SEX AND SEXUAL RELATIONS IN LATE ANTIQUITY («The Body and Society: Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity»)

D.G. CHYUPOVA

*Belgorod National Research
University*

e-mail: chyupova-diana@yandex.ru

The article deals with Peter Brown's conception, the British main Late Antiquity researcher, concerning the problems of human body, sex and sexual relations (by the book «The Body and the Society...»). The diversity of views on the stated problems in early Christianity are in the focus of the detailed consideration as well as the origin of Christian asceticism and the precondition of mental revolution of the late antique epoch which led to radical change from the antique orgiastic to the chastity and in sexual relations.

Key words: Late Antiquity, Christianity, sex, gender, sexual relations, body, asceticism.